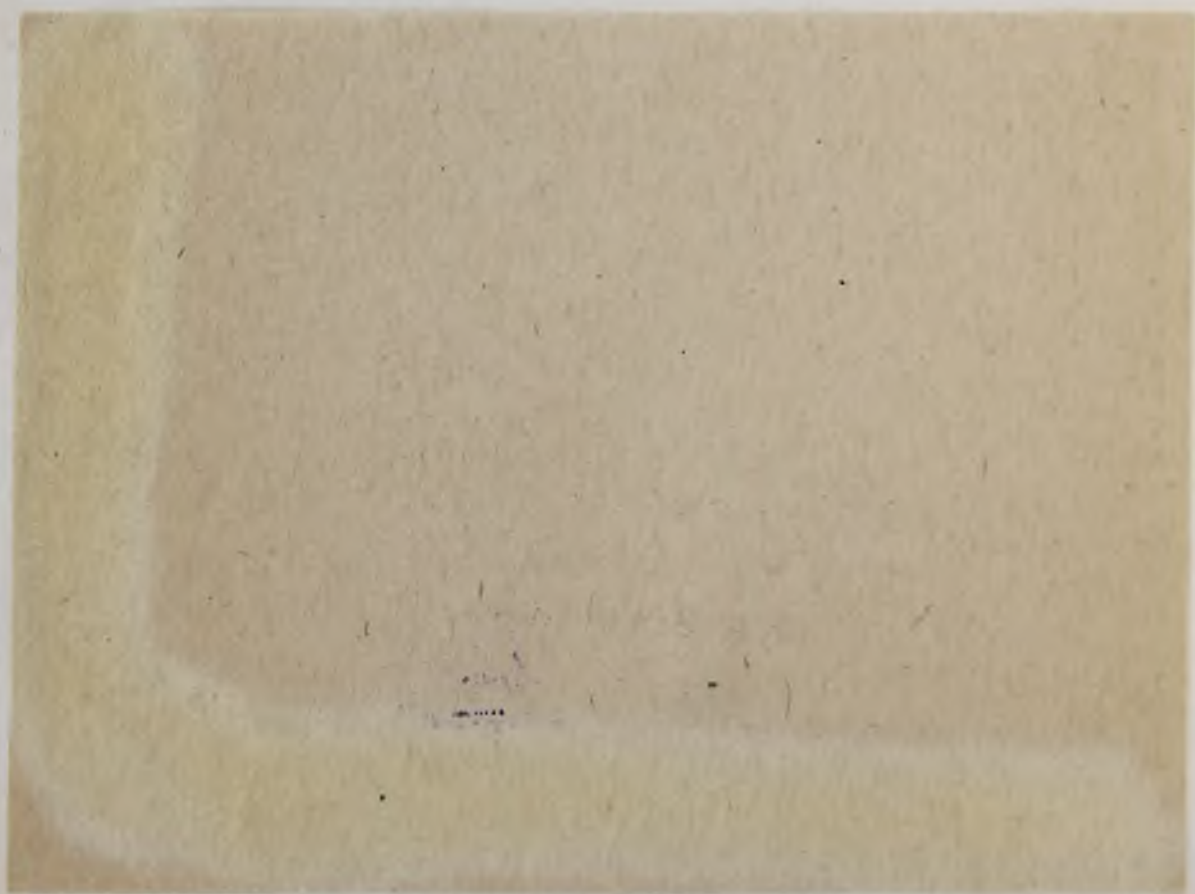

УДК (2Рос-Франс)
Л Т 22

Андрей
Тарханов

Морошковое
лето

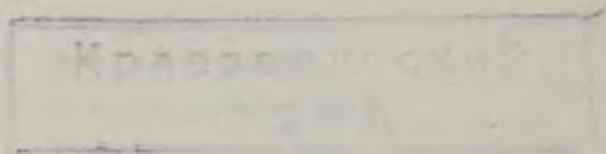

Андрей
Тарханов

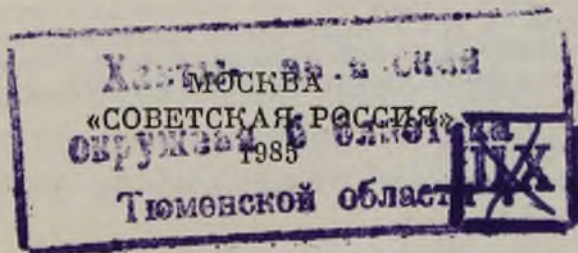

Морошковое
лето

Стихи

015391

С(сиб)2
Т22

Художник Б. Мокин

Тарханов А. С.

Т22 **Морошковое лето: Стихи. — М.: Сов. Россия, 1985.— 96 с.**

Поэт Андрей Тарханов, по национальности манси, пишет на русском языке. В его стихах через яркие картины родной природы, проникновенные лирические размышления предстает философия вдумчивого и детски простодушного в своей мудрости народа.

4702370000—227
Т М-105(03)85—208—85

С(сиб)2

СТАРЫЙ КЕДР

Горбится кедр
Над сонной водой,
В омут глубокий
Уйдя бородой.
Ею играет
Тихоня карась.
Кедр бородою
Мотаает, сердясь.
Только не в силах
Он рыбу унять,
Бороду грозно
И важно поднять.
Так и висит он
Над тихой водой —
Жилистый старец
С седой бородой.

* * *

Сколько клюквы войдет в туесок,
Столько духов в легендах живет.
Сколько хвои в морщинах дорог,
Столько песен сложил мой народ.

Песни падали в тяжкие дни,
Как подстреленные орлы.
Но заря разжигала костры,
Полыхали вполнеба они.
Им не гаснуть в метель и в грозу,
И подснежник восстанет весной.
Я возьму его сильной рукой,
Как подарок, тебе поднесу.
Песнь родится брусники алей,
И заката не будет у ней.

ОСЛУШНИК

У той у запретной черты —
Кедровник — вечерняя сказка.
Его стережет от беды
Стрелы напряженная пляска.
Я — вкрадчивый шорох
Сейчас
С котомкой-луной за плечами
Пройду за черту не таясь,
С распахнутыми глазами.
Дрожанье поймал темноты
Рукой, как сова обостренной.
Но мне не унять маеты
Души и мечты оскорбленной.
Грохочет души барабан
Подобно июльскому грому:
Обман-ба-бам, обман-ба-бам,
Шагнул, будто падаю в омут.
Шагнул я — ослушник-молва,
Но нет уж атаки и тыла:
Охранной стрелы тетива

Уже облегченно вздохнула...
И люди ту жертву мечты
Запечатлеют на камнях:
В руках — по куску темноты,
В глазах — онемевшие тайны.

ИДОЛ

Глаза туманные протри,
Тайга, кто пьет лучи зари?
Тайга пугливо говорит:
— Идол.

Кто десять тысяч дней, ночей
Для неба копит соболей?
Я вызнал тайну у ветвей,—
Идол.

Но час прозрения настал,
Я из тайги тебя прогнал,
Ты убежал куда-то вдаль,
Идол.

Где ты теперь, мой злой божок?
К кому ты ходишь на порог?
Кто для тебя таит восторг,
Идол?..

СОБОЛЕНОК

Залп ружейный пронзительно звонок.
Ты в дупле притаился дрожа.
Ты остался один, соболенок,
На печальных руках кедрача.
Убаюканный песней знакомой,
Ты уснешь, беззаботно сопя,
Словно не было дымного грома,
Словно мать согревала тебя.
А проснувшись в дупле одиноким,
Ты впервые заплачешь, зверек.
Минет время. Урманов дороги
Возвратят тебе жизни восторг.
Сколько раз ты уйдешь от погони! —
И красивый, и ловкий такой...
Неужели, мой друг-соболенок,
Ты расстанешься нынче с тайгой?

ЗЕМЛЯК

Земляк мой, будто лиственль рослый.
В тайгу-кормилицу влюблен.
И вызвать земляка непросто
На исповедь, задумчив он...
Я говорю с накалом вроде,
Слова — как льдины в ледоход.
Земляк мой мнетя, о погоде
Опять неспешно мысль ведет.
И я, поняв свою оплошку,
Не удержался от похвал.
И, как в таежную сторожку,
Ушел земляк мой — замолчал.

И я молчу. Молчит дорога.
А солнце свой берет разбег.
Вот так с молчанья понемногу
Мне открывался человек.

МЕДВЕЖАТНИК

Он был большерук и огромен,
И тайна своя у него:
Он шел на медведя
И, кроме
Ножа,
Не имел ничего.
Судили в деревне, что это —
Не удадь, одно баловство.
Но падали наземь медведи
От хватки железной его.
Не ведал, наверно, таежник,
Куда свои силы девать,
И в прятки со смертью нарочно
Ходил по урманам играть.
И снова он страшные меты
Несет на лице за увал.
И снятся ночами медведи,
Которых в бою обнимал.

ТРОПА ЯЗЫЧНИКА

Тропа язычников видна
Среди озер и мудрых кедров.
И молоком луны она,
Как детский сон, напоена.

Тропой язычника меня
Отец водил, как рысь, сторожко.
И целовала нас хвоя,
И был впервые счастлив я.

Дивился я друзьям отца:
Бобру — речному работяге,
Медведю — сторожу котца¹,
Глухарке, греющей птенца.

Я их в наследство получил,
Под стать князьям мое наследство:
Священная протока Ил,
Кедровник, где с отцом бродил.

Шли годы весен для страны.
Шли годы страшных испытаний.
Отец мой не пришел с войны,
Сгорел кедровник в час луны.

Но, будто в сказке, и трава
Тяжелый камень поднимает.
Тропа язычников едва
Видна,
Но ведь жива, жива
И смело силу набирает.

Она зовет меня. Иду.
В любви я был и есть язычник.
И лес веселый вновь со мной,
Мы с ним идем тропой одной.

---

¹ К о т е ц — ловушка для рыбы.

Мечта — стрела на гибком луке.
Мгновенье — и за облака
Лечу навстречу новой муке,
Еще неведомой пока.
Я в невеселом звездном царстве
Заполонен восторгом весь.
— Волшебная Венера, здравствуй,
Я остаюсь навеки здесь.
Когда-то тут вольготно жили
Сказители легенд моих
И солнце за руку водили,
Как я вожу теперь за них.
Но отчего они не стали
В алмазном чуме проживать?
От красоты небес устали?
Богов наскучили слова?
Поступок их, признаться, странный...
Однажды сон приснился мне:
Кувшинка в заводи Тумана¹
И ты, бегущая к волне.
И так мне душу защемило,
Пугаюсь приоткрыть глаза.
И от земных нелегких былей
На щеки выпала роса.
И не жилец я звездный боле.
Мне землю надобно познать.
И вот уже в знакомом поле
Бегу березку обнимать.
Припав губами к травам колким,
Я чую в них чувала дым...

---

¹ Т у м а н — озеро.

Зачем я шел дорогой долгой
И трудной
К истинам простым?..

АХ

Июнь черемухой пропах
От губ моих до Вегги.
И речка по названью Ах
Смежить не смеет веки.
Ах, что у ней за берега!
Июнь.
А тут, смотрите,
Кругом снега,
Кругом снега,
Любите их, любите.
От аромата тех цветов
Пьянеют звери, птицы.
Природы в нем и страсть, и зов,
И таинство зарницы.
Тут с тысяч губ слетело «ах!» —
Людских, звериных, птичьих.
Живу твоим восторгом, Ах,
И с ним не разлучиться.

ВОРОН

Цветут таежные озера,
Им надо небо удивить.
Цветет вода. И старый ворон
Не смеет и глоток испить.
Не зная от рожденья лени,

Осколки туч тая в глазах,
Он триста лет имел терпенье
Сулить другим беду и страх.
Сегодня, чувствуя кончину,
Он, к удивлению, прозрел.
И, как впервые, на рябину,
На луг,

на облака глядел.

За песню принял в синей гуще
Кедровой

птиц тревожный гвалт.

И воду он признал цветущей,
И удивился,
И упал.

ВЕРСТОВЫЕ СТОЛБЫ

Мне трудно, горизонт далек.
Но с каждым шагом больше силы.
Немые спутники дорог,
Скажите, что вы затаили?
Ведь люди много говорят
В уме тайком,
Забыться чтобы...
На вас лежит любимый взгляд,
И чья-то грусть, и чья-то злоба.
У вас и силу, и покой
Таежная отыщет птица.
На вас осеннею порой
Присядут журавли проститься...
Я молчаливый ваш рассказ
В себе, как в зеркале, читаю.
И озаренье грустных глаз
Я вам на память оставляю.

* * *

В твоём окне герань горит.
И отчуждением грозит
Твой взгляд.

Ты, как чужая птица,
Что на восходе улетит.
Разлуке имя не нашла,
Боишься ты самой себя.
Ты помни,
Что не верю я
В безмолвие,

где есть душа.

Беспечности не верю внешней,
Тревоги голос слышу твой:
Ты оставляешь сиротой
Свое дитя родное —
нежность.

* * *

Я годовое выписал кольцо —
Свою тамгу¹ на пне морозном.
Мне не забыть счастливое лицо
И лес в тумане папиросном.
Мороз тут часто курит поутру,
Качанье елей в дымчатом бору,
И шепот твой: «Танцуют ели»,
И санквалтап² лесной метели.

---

¹ Тамга — личный священный знак.

² Санквалтап — мансийский музыкальный инструмент.

ГРУСТНЫЕ КОНИ

Грустные кони,
Грустные кони
Спят на лугу.
Их от погони,
Их от погони
Я стерегу.

Травы притихли,
Травы притихли,
Гривы обняв.
И даже филин,
И даже филин
Спит без огня.

К нам из-за леса,
К нам из-за леса
Грохот идет.
Грохот железа,
Грохот железа
Дымом встает.

Но, как бывало,
В бедах удалый
Клич не забыт.
Луг закачала,
Луг закачала
Буря копыт.

Там от погони,
Там от погони
Зори горят.

Грустные кони,
Грустные кони
В дали летят.

* * *

Есть у Конды протока Голубика.
Верховье той протоки посмотри-ка.

Кусты сплелись, и ягоды повисли
Над ручейком, бегущим шагом лисьим.

Когда туман вершит на зорьке чудо,
Протока кажется большущим блюдом.

В том блюде, полном молока парного,
Синеют ягоды ручья лесного.

* * *

Цветет душичка луговая,
С волной играют муксуны.
Иртышь и Обь —
раздолье края,
В него мы с детства влюблены.

Нам по-отцовски небо ближе,
И бор таежный — брат родной
От молока кедровых шишек
И от тебя, хвои настой.

Сюда таежною долиной
Он торжествующе идет.
Сначала воздухом палящим
Ожег он, словно кипятком.
Потом ударил в нас из чащи
Деревьев падающих гром.
От пепла страшные, седые,
Мы встали на пути огня.
Тогда на тропы верховые
Он вышел, языком дразня.
И стала в небе сила смерча
Веревки огненные вить.
И поняли мы: надо встречным
Огнем

огонь остановить.

Круша смолевые лесины,
Огонь торопится к огню.
Они сошлись среди борины,
Чтоб злобу выместить свою.
Тут даже тучи побелели,
От визга вздрогнула земля.
Наверно, здесь живьем горели
Стада несметные зверья.
Но опрокинулся в болото
Огонь коварный, верховой...
Не гасни только ты, забота,
О лесе, небе надо мной.

ТИШИНА

Предгрозовая тишина.
Она
Малиной дикой жадно дышит.

И, непочатой музыки полна,
Идет дорогами неслышно.
Ласкает, будто мать своих детей,
На всех путях людей великодушных.
Она укроет в бурю от дождей
И ваши слезы поцелуем ссушит.
Ни звука.
Пьет малиновый настой
Земля,
Она
От молний поседела.
И на ресницы девочки босой,
Как бабочка, дождинка прилетела...

ПРАЗДНИК ГРОМА

Над притаившимся бором,
Над Иртышом,
  над бударкой,
Над голубым косогором
Гром —
И веселый, и жаркий.

Тр-р-ах! —
И расколото небо —
Выросли красные горы.
И покрасневшие гребни
Просят защиты у бора.

Что вы торопитесь, люди?
Небо нам с детства знакомо.
Травы ликуют повсюду,
Праздник сегодня у грома.

Гром,
Над урманамы празднуй
Радуг стоцветных пожары.
Не для трусливых и праздных
Майского грома удары.

Гром, хохочи, торжествуя:
Прячутся в душевные норы
Злоба, измена...
Иду я —
И зеленеют просторы.

КУПОЛА ТОБОЛЬСКА

Остапу Шрубe, художнику

Купола.
Как тот звонарь безвестный,
Я пред ними замер не дыша.
В них истории гнезятся вести,
В них мятежных россиян душа.
Вот какая сила, добры люди,
Вас сюда на исповедь вела!
«Соловей» Алябьева повсюду
Славит ваше диво, купола.
И гремят по облакам копыта
Горбунка, волшебного конька.
По дороге, грозами омытой,
Он летит на зов тоболяка.
И пророчит нам победный поиск
Сказочника дерзкая строка.
Голубые купола Тобольска
В небесах плывут,
Плывут века.

РЕРИХ

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил.
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.

Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
На огненный закат глядит.

Сжимает кисть рука упрямо,
Как звезды, мысли высоки.
Горят, пылают в строгой раме
Тревогой вечною мазки.

И снова горы, воздух синий,
Холодно-огненный рассвет.
А журавли летят в Россию,
Он смотрит, смотрит им вослед.

НАЗЫМ

Назым мой то рыжий, то синий,
И в тропах звериных тайга.
Откуда турецкое имя
Взяла ты, лесная река.

Открою я давнюю тайну:
В морошково-алый рассвет
Пришел он, как песня и странник,
Сказал: «Я Назым, я Хикмет».

Река говорит ему: «Здравствуй,
Мой брат по душе и тропе.
Я верю в счастливое братство,
Я тоже спешила к тебе.

Спешила сказать свое имя,
У дружбы слова высоки.
И я на просторах России
Твои полюбила стихи.

Нам петь о великой России,
Нам петь об отчизне твоей...»
Назым мой то рыжий, то синий
В заслонах кедровых ветвей.

ЯНКА

Янка, красавица Янка¹,
Как ты живешь, расскажи?
Белые мхи спозаранку
Мне расстели, покажи.
Красную сетку тумана
Ты уронила с лица.
И, увидав тебя, Янка,
Тихо запели леса.
Как в бубенцы, зазвенели,
Славя тебя, кулики.
Лоси из бора глядели
На шелковистые мхи.
Слух о тебе, моя Янка,
Добрый идет по лесам:

¹ Янка — молодое болото. По мифологии — это красавица, дочь старого болота.

Лечишь ты уток-подранков,
Лечишь ты лося от ран.
Бор говорил, обессилен:
Янка, спаси, напои.
Щедро ему ты дарила
Чистые воды свои.
Белые мхи спозаранку
Стелешь ты мне от любви.
Янка, красавица Янка,
Долго на свете живи.

ПИСЬМО ДРУГУ

Каневу Василию

Когда зовет меня надежда,
Спешу: тебя увижу вдруг.
Гостеприимный дом, как прежде,
Стоит, но нет тебя, мой друг.

Малинник, в нем овсянок стайка,
И столик, где мы пили чай.
Но не хватает шустрой лайки
И голоса: «Восток, встречай».

Восток бежал ко мне навстречу —
Колечком хвост, глаза с пятак...
Видать, всему приходит вечер,
Всему на свете. Как же так?!

Стою. Замок висит на двери,
Такой холодный и немой.

И вдруг глазам своим не верю:
Восток идет.
— Восток, родной...

Да что с тобою? Еле-еле
Идешь. Ведь это я же, я!
Он подняя голову несмело,
И сердце сжалось у меня.

Он плакал.
Он стоял и плакал,
Уткнувши голову в траву.
Бывает час, моя собака,
Я так же вот друзей зову.

Восток, забытый, одинокий,
Я помогу тебе, дружок.
Письмо мое, лети далеко
С тревожным криком между строк.

* * *

— Иногда надо поплакать над собой...
— Зачем?

(из разговора)

Поплакать надо над собой.
Зачем?

Ах, да, я понимаю.
Но перед боем и бедой
На это право отнимаю.

Пускай те слезы в камень-лед
На это время превратятся.

Ну, а когда беда пройдет,
Они для раны пригодятся.

В час озарения души,
Как солнце в дождик — мы смеемся.
Бороться против злобы, лжи
Слезами мы порой клянемся.

И уронить слезу не грех,
Когда пойдешь один на плаху.
Но страшно, если человек
Лишен Природой права плакать.

* * *

Ружье в руках.
Но утки улетели.
Ружье в руках — и хочется стрелять
Хотя бы в воздух, коли нету цели.
Желанье это не могу понять.
Ружье в руках.
Но тишина в округе.
Я понимаю разговор берез:
«Мы, видно, потеряли нынче друга,
Он хочет крови, хочет наших слез».
Ружье в руках.
И я в руках напасти —
Желанья обязательной стрельбы.
Иду вдоль речки призраком несчастья.
Но все слышнее голоса мольбы
Прибрежных трав и тальников певучих,
И голос сердца:
Друг мой, оглянись —

Ты слышишь, слышишь песни стай летучих?
Так скажем вместе:
Пусть ликует жизнь!

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛОСЬ

Под радугой сосновый бор,
В сиянье изумрудном хвоя.
И там, где к речке коридор,—
Зеркальный лось у водооя.
Минуты три тому назад
Здесь буря пела и гремела.
И был сохатый ливню рад,
И шел под молниями смело.
У водооя лось стоит
И белым кажется из бора.
Лось ослепительно блестит,
Сейчас он — зеркало простора.
Сохатый это знает сам.
Сквозит голубоватый ягель.
А по распахнутым ушам
Бегут на землю нити капель.

* * *

Как зелена сегодня луговина!
И парус бел, и ласкова волна.
Она уже кувшинки напоила,
Она уже, как я, душой вольна.

Я уплыву далеко, луговина,
На поиск Бухты веры и любви.

Ни в чем, как мать, поверь,
ты не повинна,
Меня зовут, зовут мечты мои.

Горят пути за мною, луговина.
Крепчает ветер, мачту накреня.
Ты вспоминай, прошу, утрами сына,
Ты вспоминай печального меня.

* * *

Я вижу на ветвях сосны
Созвездья новых слов.
Они еще в руках зимы
Недоглядели снов.
Они еще зеленых глаз
Не открывают днем.
Они себе сковали наст
Под мартовским лучом.
Но скоро в здешние места
Все зори прилетят.
И льдинки
Зазвенят тогда,
Как бусы у девчат.
И приоткроются глаза
Оттаявшей сосны,
И грянет первая гроза,
Гроза моей весны.

ГИМН БЕРЕЗОВОМУ СОКУ

В корнях березы бродит сок.
Ждут годовые кольца,
Когда ему настанет срок,
Когда он в ствол прольется.
Хмельна береза в этот час,
По жилам сок клокочет.
От сока опьянев,
Косач
Над вороном хохочет.
Вещун на косача сердит,
Ему веселье в тягость.
А на земле-то пир стоит,
А на земле-то радость.
Цветут цветы,
Куда с ветвей
Упали капли сока.
Пьет капли стая лебедей,
И дятел, и сорока.
Спешат к березе стар и мал
Испить живого сока,
Чтоб горестей никто не знал
И не старел до срока.

ШИШКАРИ

Есть в Кординске шишкар
Братья Чемляковы.
С первым голосом зари
В лес идти готовы.

Ждут их, ждут их кедрачи,
Братья — оба силачи.

Старший, Павел, густобров,
И в глазах веселье.
Шишки брать от облаков —
Чудное заделье.

В руки колот он берет,
По стволу с улыбкой бьет.

В три обхвата этот ствол,
Не видать вершины.
Но по веткам ток прошел,
Ток сибирской силы.

Шишки, шишки, словно град,
На хвою с ветвей летят.

Гулкой музыкой стволов,
Стуком спелых шишек
Бор наполнен.
Чемляков
Хвоей, волей дышит.

Младший брат, Сергей, молчун,
Кряжистый, плечистый.
Музыку кедровых струн
Слушает лучисто.

Братья, что ни говори,
От природы — шишкар.

НА ОЗЕРЕ МОЙПЫР

На озере Мойпыр¹ заря
Давно, как легенда, кочует.
Там воды ночами горят,
Там филин на ветке танцует.

Живет там в избушке медведь —
Хозяин и сторож простора.
Из бисера красного сеть
Он ставит вдоль острова-бора.

Потом он разводит костер
На острове,
яркий и знойный...

Заря опускается в бор,
Заря опускается в волны.

И к гостю на угли-плески
Из омута зыбкого ила
Плывут и плывут караси,
Заря их позолотила.

Из озера Мойпыр встает
Заря в рыжеватом тумане,
И голосом птичьим поет,
И все оживает в урмане.

---

¹ М о й п ы р — медведь (*хант.*).

Сыну Ване

Улыбка ребенка во сне
Вовеки ни с чем не сравнима.
В ней солнце, в ней трепет любви.
А разве любовь объяснима?

Природа так верит тебе,
Устала она от обмана.
— Что снилось во сне, расскажи?
— Огромное солнце и мама.

ЗОВ

Нуми-Торыма¹ белая птица²
Сыплет звезды пушистые — снег.
И береза в окошко глядится,
Ей к лицу горностаевый мех.
Этим ликом разбуженный рано,
Загрустивший по новым вестям,
Распахну я оконную раму
Снегу первому, солнцу, ветрам,
В позабытом тревогами доме
Принимаю как верных друзей
Шепот — эхо уснувшего грома,
Шорох снега и зябких ветвей.
И опять я в плену у дороги,
Через душу проходит она.
Не прожить мне и дня без тревоги,
Участь эта Природой дана.

¹ Нуми-Торым — верховный бог манси.

² Белая птица — лебедь.

Споров всех судья старинный —
Знает все он, не съюлишь.
Или ты живешь невинной,
Или... грех не утаишь.

По тропе идет невеста,
Что бояться — не одна.
Есть в тайге такое место,
Где коварна тишина.

А жених идет с надеждой,
И седой отец идет.
От орнаментов одежда —
Будто радуга цветет.

Первой вскрикнула невеста:
На тропе судья-медведь
На дыбах стоит, ни с места.
Успевай, жених, посмотреть.

Как брусника покраснела
Кареглазая Таись.
Покраснела, побледнела,
Вот попробуй разберись:

Иль в грехе своем призналась
Ни жива и ни мертва?
Или вправду испугалась —
Дышит, бедная, едва?

А медведь ревет и скалит
Зубы желтые свои.
И свидетели сказали:
«Речи поняли твои.

Помасипа, помасипа! —
Ой, спасибо! Ой, спасибо!

Наши клятвы позабыты,
Для Таись — мы не семья». —
У невесты от обиды
Слезы льются в три ручья.

Ты не плачь, не плачь, Таись,
Вновь медведю покажись.

ПРОЩАНИЕ

Анне Митрофановне Коньковой, мансий-
ской сказительнице

Они на кочки рыжие слетелись,
Глядит на них с отцовской грустью бор.
Опять на журавлей вы загляделись,
Они ведут прощальный разговор.

Берет седой вожак багрянец клюквы,
Живителен ты, сок родной земли.
И в небо длинно вытянулись клювы,
Готовы в путь далекий журавли.

Вы нежно плачете, богиня леса,
Вы понимаете их стон и речь.
И нам вот так бы от сует отречься,
Чтоб нежность осени в душе сберечь.

Взмахнули птицы крыльями тугими,
Как сестры, машете вы им вослед...
Мы для того становимся седыми,
Чтоб завтра ярче полыхал рассвет.

НОЧНОЙ СОХРУП¹

Движенью вечному реки
На глубине ерши внимают.
На расстоянии руки
От берега
                                костры пылают.

Дымится сохруп.
Настежь дверь.
И кажется с реки, отсюда,
Что там какой-то красный зверь
Вершит обряд, рождая чудо.

Он пляшет яростно, легко —
Великий мастер пантомимы.
И тени — спутники его
В чудачествах неумимы.

Пляши, огонь!
Кружись, дымок,
Над рыбой розовой, душистой.
Потом лети, лети, дружок,
К луне ночной, к луне лучистой.

Курится сохруп.
Тишина.
Созрела рыба на желинах².
О, как она нежна, вкусна,
Такую —
                                да на именины!

---

¹ С о х р у п — коптильня рыбы.

² Ж е л и н ы — тонко оструганные сосновые палочки.

И будет стол.
И грянет пир.
И будет рыба чуть дымиться...
Чтоб именинник долго жил,
Все будут долго веселиться.

* * *

А снег не тает,
Снег горит,
Багрово-языкаты блики.
Костер о звездах говорит,
А ночь,
А ночь черней черники
По-за костром,
Где спит ручей
Под куполом хрустально-тонким.
Каких мне ждать сейчас вестей,
Скажите, зябкие потемки?
И для чего я запалил
Костер —
Свой вызов темным далям?
Чтоб кто-то вдохновенно жил,
Чтоб там, где ночь,
Скорей светало.
Я вижу — милая идет,
Ее страданий и сомнений
Я растоплю январский лед
И праздник подарю весенний.
Пылай, костер!
Под небеса
Умчатся искры,

Ночь уходит.
И зреет теплая гроза,
И солнце огненное всходит.

* * *

Вороно-черные кедры и неба корона,
Всюду сосулк-бокалов невыпитых звоны.

А на поляне подснежников синих свеченье,
А над поляной желна совершенствуется пенье.

Слышу восторг и звезды, и песчиночки донной,
И поцелуи шестнадцатилетне-влюбленных.

Верба не спит. И у вербы свое воскресенье.
Вечно живи и гори ты, мое удивленье.

ВЕСЕННЕЕ

Стельмаху Михайле Панасовичу

Начало дня я проведу бессмертно —
Уйду навстречу утренней заре.
Меня ласкают ветками деревья,
Смычки ветров проснулись на коре.
И с туеском узорно-берестяным
Весна с улыбкой по лесу идет.
И сок березовый —
Чуть-чуть багряный —
Из туеска и зверь, и птица пьет.
И выпил я, и чувство вознесенья
В душе проснулось. Мир вам, небеса!

Теперь я знаю цену удивленью
Вам, снег малиновый, и вам, леса.
Неужто я не дорожил мгновеньем —
Тобою, день, и вами, тридцать лет?!
Ведь рассудить, так чувство сожаленья
Страшнее всех житейских наших бед.
Весна идет.
И я раскрыл объятья
Ликующему клину журавлей.
Бессмертье есть.
Мне все сегодня братья,
И жизнь в сто раз дороже и милей.

АПРЕЛЬСКИЙ ЛЕД

Играет солнце в эту пору:
Танцует, став на оком.
Потом идет с улыбкой в гору,
Чем выше — тем светлей кругом.
Как хорошо в минуту эту
Идти к ярдани¹ по реке,
Когда все тянется к рассвету
И пляшут блики в тальнике.
Спешит и солнце,
Солнцу надо
Увидеть свой апрельский лед.
Смотрите, лед хрустальным садом
В моем сачке горит-цветет.
Он самый ломкий, самый донный.
Сияньем душу веселя,
Он дарит птичьи перезвоны

---

¹ Я р д а н ь — прорубь для ловушки с рыбой.

И перезвоны хрустала.
И солнце снова замирает
От удивленья на горе.
А лед звенит, звенит и тает,
Как снег случайный в сентябре.

* * *

— Ты все готов друзьям отдать, —
Жизнь говорит с улыбкой строгой. —
Должна и щедрость меру знать,
Быть осмотрительной в дороге.

Но если будут полущедрость
И полувера, ведь тогда
Жить рядом станут полуверность
И — страшно — полукрасота.

Дарить — так все:
И смех, и деньги,
И ноша за спиной легка,
Дарю берез апрельских серьги
И утренние облака.

НОЧНОЙ ОМУТ

Звезды падают в омут весенней реки,
Загораясь в глубинах зеленым.
А на глади воды — золотые круги,
Рождены они заревом донным.

Как же духам лесным не таиться, не жить!
Тени веток у берега гибки.

И воды колдовской лосю надо испить
И от лунной отпрянуть улыбки.

Ровно в полночь из омута звезды плывут.
Вот дрожат поплавками на глади.
Их на крылья туманы берут и несут
В поднебесные дали-полати.

МОРОШКОВОЕ ЛЕТО

Пояса цветущие надели
Тысячи улыбчивых озер.
И выходят окуни на мели
На морошковый взглянуть простор.
И глядят завистливо кувшинки
На морошку —
Зоренька она.
От рожденья белые крупинки
Солнце раскалило докрасна.
Опьянев от ягоды бордовой,
Веселят озера, посмотри,
На опушке солнечной, сосновой
Распевают песни глухари.
Ароматной ягодой согреты,
Оленята счастливы в лесах.
И цветет морошковое лето
У меня в душе и на губах.

ИЗ ДЕТСТВА

Словно в просветы тумана
Слышу и вижу сейчас:
Гармони играют пьяно,
Слезы бегут из глаз
У матери — тихой ивы
С берега илистой Ах.
И я стою сиротливо
С непониманьем в глазах.
Отец говорит влюбленно:
— Нам бы за клюквой с тобой... —
А солнце огромно-огромно
Над мировой войной.
Вот и прощальные залпы
Дедовских дробовиков.
Прощайте, сети и арпы¹,
Дали кедровых боров!
Плывут и плывут в тумане
Лодки.
Отец на корме.
Он взглядом ласкает маму,
Руки тянет ко мне...
Краснели глаза у лета
От урагана войны.
Мы ждали отца с победой
Лютых четыре зимы.
Победа и похоронка
В наше пришли жильё.
Победа!
Отец мой, помню:
Я — продолженье ее.

---

¹ А р п а — рыболовное устройство на реке.

СЛОВО О КЕДРЕ

В Ингатъе, забытой деревушке,
Ельпин дед живет совсем один.
Глухарей зовет в свои ловушки.
Сам себе судья и господин.
На избушке филин спит ушастый.
Видно, приглянулся птице дед —
Сухонький, из-под бровей глазастый,
Ходит, будто тела вовсе нет.
«Что ты, дед, нашел в лесном затишье,
Мало видел тягот на веку?» —
«Всяк свое на этом свете ищет,
Я кедрач отцовский берегу.
Больно шаловлив народец ныне —
Вздымщики, геологи... Давно
Кедрача бы не было в помине,
Каб не я...

Им, пришлым, все равно —
Иль болото, или бор кедровый.
А кедрач — святыня здешних мест!
И спрошу, коль подошлось к слову:
Соболь почему жирует здесь?
Почему здесь белка и куница?
Всё от кедра, правит он тайгой.
В кроне и под нею любит птица
Хорониться от грозы шальной.
Буду здесь, пока в ногах есть сила,
Я мужской не принимаю плач...»
Ты, земля, на радость подарила
Людам этот ельпинский кедрач.
Он стоит под нашим небом синим
В красоте нетронутой своей, —
Величавый от судьбы и сильный,
Будто войско Родины моей.

* * *

Когда нас посещает озаренье —
Грозы далекой бьют колокола.
И кажется тогда мне на мгновенье,
Что это мама в детство позвала.

И мир иной встает перед глазами:
Конда следы целует на песке.
Мальчишку паруса околдовали,
Мальчишка держит радугу в руке.

Они плывут в объятия Тумана,
Над ними ливней прошумевших зонт.
Не окликай в минуту эту, мама,
Я провожаю их за горизонт.

Они уплыли. Но по зову сердца
В колокола тугие бьет гроза.
И горизонт распахивает дверцы —
Плывут, плывут к мальчишке паруса.

* * *

Верховой дорогой — по зарубкам —
К озеру Туману выхожу.
Озеро дымится, словно трубка,
Я его туманами дышу.

Был мне братом кровным день вчерашний,
Мир, сверкнувший счастьем по весне, —
Облаков серебряные башни
И подснежник, зябнувший во сне.

Этот дар куда я растрянжирил?
Может, кинул на похмельный стол?
И теперь усталый и бессильный
К колыбели-озеру пришел.

И Туман, восходом озаренный,
Принимает исповедь мою.
На коленях —
Путник утомленный —
Я его живую воду пью.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Березы матово-белы
В накидках заячьих, пушистых.
И чуть качаются стволы
В тумане пряжи серебристой.
Березы трепетно стоят.
С такой вот долей неизвестной,
Надев прощальный свой наряд,
Стоит пред зеркалом невеста.
И вдруг притихнет,
Вдруг замрет,
И сердце — будто в клетке птица...
А снег идет,
А снег идет,
И молодеют наши лица.

СЛЕДОПЫТ МАКАРОВИЧ

Политову Михаилу Макаровичу

Видна в окошко ель-старушка,
Кедрач заснеженный вдали.
Живет Макарович в избушке
На тихом краешке земли.

Он соболдует и рыбачит.
А в час вечерний у себя
С женою спорит об удаче:
«Моя удача — это я.
Я воевал. Был ранен дважды.
А вот живу смертям назло.
И кто теперь на свете скажет,
Что в жизни мне не повезло?!»

Светло Макарович лукавит.
Он любит волю, удасть, лес.
И лихо рыжий ус поправит,
И молодеет сразу весь.

Природа — вот его отрада,
И речь такую он ведет:
«К лесам прислушиваться надо,
На помощь часто лес зовет».

* * *

Пришел сюда я в час отлива.
Ты шла по дну морскому так
Величественно и красиво.
И тени падали с обрыва,
Когда пришел я в час отлива.

Твоих следов рисунок влажный
Меня зовет, и я спешу.
Вдали поет волна протяжно.
Вот-вот она вернется страшной
И смое твоей рисунок влажный.

Не будет чувств моих смиренья,
Так дорог жизни каждый миг!
Пока есть в раковинах пенье,
Пока есть в сердце удивленье —
Со мной любовь и вдохновенье.

* * *

Если сердце обидою ранено,
Если песня взята на аркан,
Ухожу я в поля безымянные,
Ухожу я к ветрам и цветам.
Там рождаются новые радуги,
Там до неба стоит аромат.
И цветы, вдохновением радуя,
Мне бессмертную силу дарят.
Боль моя добротою потушена,
Но рубцы не стереть и не смыть.
Жить тревожно, светло и возвышенно —
Значит с сердцем израненным жить.

НОЧНОЙ ПОЕДИНОК

Юрию Марковичу Нагибину

Я с лесом — один на один.
От божеской зябко усмешки
Живущих на небе вершин,
Не знающих горя и спешки.

Я сверху кажусь муравьем,
Смешной заплутавшей букашкой.
Мелькает порой окоем
Тонюсенькой огненной плашкой.

Уж сутки вторые иду,
Потеряна к дому дорога.
Вещают деревья беду,
И в сердце стучится тревога.

А вот и погас окоем.
И звуки, и шорохи всюду.
Скрипит, как протез, бурелом,
Очнулся какой-то Иуда.

И жутко хохочет сова,
И сердце заходится в стуче.
Спешите на помощь, слова,
Вы тоже нуждаетесь в друге.

Читаю, читаю стихи
Под хохот каких-то чудовищ.
Пылают, пылают стихи,
И солнце идет мне на помощь.

А чаша ворчит и скрипит.
Луч солнца уж рядом, похоже.

И вот он слепяще горит,
И... тают мурашки на коже.

И ликом деревья ясны,
И ветка ласкает мне щеку:
Пройди-ка до той вон сосны —
И к дому увидишь дорогу.

* * *

Спи, мой лес.
Сейчас ты, как ребенок,
До зари задумчиво притих.
И ручей — воркующий котенок
Приютился у колен твоих.
Так мы, лес, нужны друг другу стали!
Нам шагать с тобой —
рука в руке.

Без меня ты
сохнешь от печали.

Без тебя я
буду жить в тоске.

ТАЕЖНОЕ

Есть озера синие в Урае,
Не стихает там утиный крик.
И растет на диво в этом крае
С голубой каемкою сосняк.
Приезжайте.
У лесной сторожки
Встретит вас веселый следопыт.

Он душой распахнут и немножко
Фантазер,

из сказок леса шит.

И когда его чайком распарит,

Поведет он, лежа на боку:

«Чё тебе я расскажу-ка, паря:

Шел лонись за глухарем в тайгу.

И медведь — сама гора Шайтанка

На меня шагает на дыбах.

И струхнул я:

поздно за берданку...

Слава богу, сила есть в руках.

Вот сошлись мы нешутейно. Душит,

Гнет меня он, лиходей, сопя.

Шмыг я под него —

и эту тушу

Враз перемахнул через себя.

Темь в глазах...

Как побывал под танком.

Глянул я, куда медведь упал.

Где же он? И где моя берданка?

Он, лешак, с берданкою удрал...»

А костер горит. Сова хохочет.

Все с охотником случиться может.

ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ

От зноя бор сосновый порыжел.

Свалила рысь на дереве дремота.

И даже гриб под елочкой вспотел —

На красной шляпке семь крупинок пота.

И коршун в небе как прибит гвоздем —
Лучом всеусыпляющего зноя.
Не справиться ему лишь с муравьем,
И в зной не знает муравей покоя.

* * *

А женщина и март нерасторжимы,
Как в небе темном звездные огни.
А женщина и март всегда любимы,
Друг другу очень нравятся они.

Ах, женщина, весенняя, родная,
Как властно ты по улице идешь.
Ты чуточку смешная, ты шальная,
Движеньем каждым за собой зовешь.

Ты хочешь удивлять и удивляться,
Ты вся во власти страсти, ты — азарт.
И надо этой страсти подчиняться,
Ведь мы — мужчины, синеглазый март.

СУМЕРКИ МАРТА

Ночь улетает.
И разве не жалко —
В разные дали уйдем?
В сумерках марта,
В сумерках марта
Кони стоят под окном.
Выйду туда, в голубое свеченье,
На голубые пути.

Сумерки марта на удивленье
Могут, как травы, цвести.
Это с ветвей осыпается иней,
Это дыханье Весны.
Сотни подснежников матово-синих
В гривы коней вплетены.
Но отчего этот обволок дивный
Таает и таает в зрачках?
Видно, с зарей самолет реактивный
Шторы открыл в небесах.
Ночь улетает.
И разве не жалко
Нежного взмаха руки?
Сумерки марта,
Сумерки марта,
Ваши стихают шаги.

* * *

После дождя вода зеленой,
Парной становится на миг.
До самой до песчинки донной,
И веселеет чаек крик.
Река от всплесков закипает,
Как серебро теперь вода:
Из глуби сонной выплывает
Резвиться рыба мелкота.
А чайки,
Чайки, словно дети,
Бултых в реку, галдеж стоит.
И радуга на гомон этот
С улыбкой матери глядит.

Живите, деревья, у лога!
Живи, мой оранжевый склон!
И в мир этот нынче, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

РЯБИНОВЫЙ ПИР

На пир рябиновый спешите, сойки,
Опять леса рубиново горят.
И песню осени прощально спойте
На пне багряном посреди опят.
Спешите же скорей,
Пока горячи,
Как угольки костра, плоды рябин.
И снова иволга от счастья плачет,
И кто-то по тропе идет один.
Наверно, я.
Кому же быть другому?!
Прощанье чую, вот и в лес спешу.
Я приобщаюсь к празднику лесному.
Огня рябины я у птиц прошу.
И пир горой.
И хочется с улыбкой
Леса обнять за то, что мы живем.
Бей, дятел, в барабан!
Плачь, иволга, как скрипка!
На пир рябиновый мы всех зовем.

Уходи-ка вдаль, беда,
Нет тебя хитрей.
Стала богом доброта
В хижине моей.

А молва во все края
Суть несла свою:
Будто всепрощенец я,
Будто всех люблю.

Так бывает по весне —
Счастья каждый ждет.
И на исповедь ко мне
Повалил народ.

Всё обиды и грехи,
Всё картины бед.
Стали грустными стихи,
И покоя нет.

Чтобы с жизнью помирить
Всех обиженных,
Сотни лет мне надо жить,
Лет возвышенных.

Дай, земля, на это сил,
Небо — высоты,
Чтоб я в сердце сохранил
Бога доброты.

НОЧНЫЕ САМОЛЕТЫ

Они куда-то тройками летят,
И звезды — будто листья на ветру.
О чем сегодня звезды говорят?
О чем деревья шепчутся в бору?
О зыбкости земного бытия,
О хрупкости всего, что бережем.
Зачем тогда пою о вербе я,
Когда бушует самолетов гром?
Кричат: «Сыночки, неужель война?!»
И луг зачем пою, когда во сне
Стихает гул. И снова тишина.
И звезды чуть качаются в окне...

В ДОЖДИ

В дожди голубика тоскует,
В дожди голубика цветет.
И облако в огненной сбруе
Тогда к голубике плывет.

Деревья бегут бесконечно,
И лоси нащупали брод.
Они понимают, конечно,
К себе голубика зовет.

На трепетный голос Природы
Спешу, как бесшумная рысь.
И неба дождливые своды
Опять поднимаются ввысь.

Тайга в этот миг будто омут,
Такой голубой, голубой.

И к кедру душисто-парному
Опять прикипаю щекой.

А ветер у горла воркует,
В глаза голубика глядит.
И облако с огненной сбруей
В веселом просвете стоит.

* * *

Пусть за меня поговорит костер:
Он думы леса понимает,
И вознесет меня на ветках бор
И, словно в зыбке, покачает.

Засну в объятьях хвои, синевы.
И мать придет,
Как прежде в дни сомнений.
У поседевшей встанет головы,
Меня разбудит ласкою весенней.

Ах, мама, снова силы есть в груди!
Мне дал их бор священный,
Дал как сыну.
Я выбрал сам кремнистые пути,
Я никогда их, мама, не покину.

ШАИМ

Шаим, как раненая птица,
Что прячет голову в крыло.
Шаим у озера ютится —
Когда-то звонкое село.

Когда-то здесь дрожали тракты
И от купцов, и от мехов.
Здесь от своей бессонной вахты
Стонало девять кабаков.

Здесь сосны небо подпирали,
И рыбу черпали ведром.
Отсюда девок в жены брали,
Чтоб этим хвастаться потом.

Но время — враг или товарищ? —
В стезе уверено своей.
Но было горько от пожарищ
И мирных, и военных дней.

Когда геологи впервые
Сюда отчаянно пришли,
Они гитары ветровые
И много воли принесли.

И нефть нашли. «Ура» кричали.
А в час закатный у реки
В озерные смотрели дали
С печальной думой рыбаки.

И следопыты горевали:
Ушел далеко соболек.
Свою деревню покидали —
Развилку шумную дорог...

И вот я вновь в родном Шаиме.
Сосновый и озерный край,
Стране твое известно имя
И город нефтяной Урай.

Но сам ты, мой Шаим, в закате,
Одни остались старики.
Уж ни о чем жалеть не надо:
Нет озера и той реки,

Что в мае щукою резвится
И дарит парус и весло...
Шаим, как раненая птица,
Что прячет голову в крыло.

* * *

— Ты зачем совенка подстрелил?
— Да... сам не знаю...

(из разговора)

Вечерний сумеречный лес,
Так осязаем лик тревоги! —
И яростной волчицы месть,
И тот совенок одинокий.
Есть что-то властное в тебе,
Вечерний лес, до зорь притихший.
С невольной грустью на тропе
Стою я, головой поникши.
Все цепче, цепче колдовство
Ветвей.

Я правду открываю:

— Совенок спит.

Зачем его

Ты подстрелил?

— Да... сам не знаю...

Смеется над нами дитя.
Мы, взрослые, так не смеемся.
Нам надо взглянуть на себя
Глазами ребенка.
Вернемся
К своей изначальной черте —
К доверчивости и доброте.
Мы в этом клянемся, клянемся...
Потом над собою смеемся.

ДЕНЬ УКРОЩЕНИЯ ОГНЯ

Зоту Тоболкину

Идем таежной целиною,
Почтенье к кедрачу храня.
У нас сегодня, друг, с тобою
День укрощения огня.

Пылают сучья и поленья.
Но с ветром что поделать нам?!
Летит он с быстротой оленьей
И гонит пламя по снегам.

Обломками сырой лесины
Берем огонь лесной в кольцо.
А полог хвои синий-синий,
И в хвое, друг, твое лицо.

Тебя кедрач живописует.
И укрощенный —

В землю врос —
Огонь ласкается, воркует,
Сейчас он словно умный пес.

Убережет он и от зверя,
И от пурги.
Так помни, друг:
Пока в свои удачи верим —
Беде не взять нас на испуг.

Мы дорожим своей свободой.
И для тебя, и для меня
Он дорог, этот день похода,
День укрощения огня.

НАКАНУНЕ НОЯБРЯ

Такое утро... Где вы, глухари?!
Серебряная торжествует краска.
И что там о весне ни говори,
Но осень вся до капельки, как сказка.

Ядреный хвойный воздух — свет зари,
Он, как улыбка девушки, прекрасен.
В сосновый бор летите, глухари,
Хвоинка каждая горит алмазом.

Сегодня дом мой из ветвей сосны,
И белки празднично хлопочут в доме.
А брови глухаринные красны,
И лес, и солнце в розовой каемке.

Красные сумерки Севера —
 Огненных листьев закат.
 В гости ко мне —
   кому верю я,
 В гости ко мне —
   кому рад.
 В бликах рябины пылающей,
 Праздничный день, приходи.
 Для журавлей улетающих
 Будь остановкой в пути.
 Путников леса печального
 Жду, как друзей, у костра...¹
 Песни,
   вы стали причалами
 Света, любви и добра.

ВЫДРА-НЕВИДИМКА

Стоит земляничное лето
 В спокойной своей красоте.
 Валежина дымного цвета
 Грустит на притихшей воде.
 С ней берег расстаться не хочет,
 А ей бы — с волною играть.
 На этой валежине очень
 Понравилось выдре лежать.
 Над выдрой
   черемуха сказки
 О щуке столетней поет,

¹ По мансийскому обычаю в честь дорогих гостей у дома разводится костер.

Горят ее бусинки-глазки,
Меня она, видимо, ждет.
Плыву я бесшумно и скрытно,
Выслеживать зверя мастак.
С валежиной темною выдра
Слита, не заметишь никак.
Но чувствую взгляд напряженный.
Откуда он, чей? — не пойму.
И речка, и берег спокойны,
Тревожно лишь мне одному.
А воздух расшит паутами,
А воздух звенит, как от пуль.
За лодкой своей, за кустами
Услышал я тихое: буль.
Покрылась река пузырями:
В июльской воде голубой
Кругами, кругами, кругами
Плывет кто-то следом за мной.
Задумчивы заросли тала,
Светло улыбается лес.
Ей-богу, мне радостно стало,
Что тайна поблизости есть.

БЕРЕЗА И СТАРИК

Леониду Леонову

В два топора они ее рубили —
Старик и сын, плечистый, молодой.
И кольца годовые уходили,
Чтоб позабыть навеки возраст свой.
И на вершине звезды затухали,
А может, уносились ввысь они.

И опустил топор старик устало
И крикнул сыну: «...Отдохни!»
Они присели, жаркие, хмельные,
На шелковистый розовый бугор.
И в тишине, как пятаки литые,
Упали с веток капли на топор.
И борода качнулась беспокойно,
И словно что-то опалило грудь,
И, бликами восхода озаренный,
Поднялся, чтоб на дерево взглянуть.
Закинув руку левую за спину,
К глазам он руку правую поднес.
И, словно чудо, увидал вершину
В сиянье улыбающихся звезд.
Глядел еще бы, да глаза слезились,
Спина заныла — и вздохнул старик.
В душе его навеки поселились
И бездна неба, и березы лик.
И взял он непослушными руками
Топор тяжелый, что-то прошептал,
И снова опустил: перед глазами
Она стояла, небеса обняв.
— Устал, отец? — услышал голос сына.
Потом услышал стуки топора.
Подумал: «Сын... такой красивый, сильный...
А мне, наверно, помирать пора».
И гром по лесу — рухнула береза.
И вздрогнул, и нахмурился старик.
Шагнул с бугра. В глазах стояли слезы,
И все качался тот зеленый лик.

ГРИБНАЯ ТАЙГА

Грибами пахнет каждый куст.
Под куполом — под елью
В рубашке желтой дремлет груздь,
Чуток посыпан прелью.

Волнушка издали видна —
Красавица с пеленок.
Она всегда окружена
Гурьбой своих сестренок.

И роща белая зовет,
У ней свои подарки:
Тут подберезовик растет,
Лисичка в шапке яркой.

Идем, как в сказку, по грибы,
Идем тропинкой узкой.
И не устанем от ходьбы
В тайге грибной, июльской.

ЛЕСНИК

Я — лесник.
Дружу со сказкой,
И на тропке боровой
Я беседую по-братски
С медноликою сосной.

Я — лесник.
Пою восходу,
Травам росным на меже.

И весеннюю природу
Открываю я в душе.

Я — лесник.
Со мной в походе
Дружат вьюга и гроза.
И, касаясь небосвода,
Шлют поклоны мне леса.

* * *

Натруженные лапы глухаря
Достойны песни, низкого поклона,
Как эта августовская заря,
Как лиственница у родного дома.

Натруженные лапы глухаря —
Мозоли от песчаного обрыва,
От каменно звенящего ручья
И от сосны, парящей горделиво.

Тихи леса и речки глухаря,
Светлы тропинки, словно позолота.
Царь-птица, пой.
Об этом просим я,
Кедровники и рыжие болота.

ТАМГА

В моем лесу деревья юны,
У них нашла приют заря.
Моя тамга — листок и струны,

Листок с березы сентября.
Листок пылающей Природы,
Где равнодушьем места нет.
И я несу, несу сквозь годы
Неостывающий рассвет.

В ПРЕДГРОЗЬЕ

Светлой памяти отца —
Семена Прокопьевича Тарханова

Запах хвои и серы кедровой,
С берегами веселыми лог.
И рождается мудрое слово,
И рождается детский восторг.
Этот миг незабвенный, как звуки
Убежавшего к солнцу ручья.
Я стою на коленях,
А руки
Ловят первые капли дождя.

Я СЛУШАЮ ОСЕНЬ

Я слушаю осень утрами.
С колдобин таежных дорог
Мне сыплет в ладони с лучами
Свои перезвоны ледок.
Я в поле шагаю на звуки —
На сахарный хруст кочанов.
И вдоль загрузившей излуки
На клики иду вожаков
Взволнованных стай перелетных.

* * *

Пойду к отцовской роще дикой
И припаду к коре щекой.
И снова стану я великим
Перед природой и собой.

О этот хмель зеленой власти!
О животворная хвоя!
Здесь, как Андрий перед Тарасом,
Жестокость падает моя.

И как меня вы ни хулите,
Но я вам честно говорю:
Есть у меня на свете идол,
И я его боготворю.

НА СЕВЕР

Сыну Илье

Березы весенние парки¹
Еще одевать не хотят.
На Север, на Север казарки
Волна за волною летят.

И чем это дорог мой Север,
От радости плачете вы?
Спит в рощах сиреневых ветер,
И нет даже первой травы.

Восход над равниной зорится,
Веселое солнце встает.

¹ Парка — меховой наряд.

Мы помним озер наших лица
И гвезда в ладонях болот.

Я полон весенней тайгою,
Я стаям ликующим рад.
Казарки волна за волною
На Север, на Север спешат.

ЛОСЬ И ПОДСНЕЖНИК

Как облака по горизонту огневому,
Пугливо лось идет по насту голубому.

Червонным золотом горит сосны подножье,
И чей-то шепот: осторожно, осторожно.

Прядет ушами великан, рогами водит,
Нигде виновника тревоги не находит.

А на проталине, где чуть парок дымится, —
Подснежник голубой, рогов цветок боится.

Вздыхнул сохатый глубоко и облегченно,
Пошел, качая головою удивленно.

* * *

Ты в зеркало смотришься часто.
И я про себя говорю:
Наверно, все это к ненастью,
Во-он туча нашла на зарю.
И, ахнув от первой морщинки, —

Как в сказке о гордой княжне, —
Остались от зеркала льдинки.
С дождями пришла ты ко мне.
Ах, голос упреков знакомый!
Но истину не позабуди:
Ты будь терпеливою дома,
На людях веселою будь.

* * *

От снега пряного черемух
Выходит Обь из берегов.
Иду к Весне тропой знакомой,
Открою ей свою любовь.
Любовь открою.
А за логом
Я слышу голос шутовской:
Людей обманывали богом,
Любовью —

нынче нас с тобой.

Наверно, этих слов морока
Придется на руку иным.
А в нас колокола тревоги
Ударят голосом густым.
За правоту свою любого
Зовем мы на жестокий бой.
И снова поле Куликово
Объято дымкой грозовой...

СЫН ГРОМА

(по мотивам мансийских героических песен)

«Тропинка лесная —
Твоя колыбель, —
Однажды седая
Сказала мне ель. —
Когда уставали
Дороги твои,
Им звезды сияли
И пели ручьи.
Варили настои
Парные лога
Из чаги и хвои,
Смородинника.
Ты пил, не гнушаясь,
Настой из корней
На звонкую радость
Природе своей.
И ты поклонился
Тропинке-судьбе.
И Гром появился
На той же тропе».
«Я — Гром,
Я — хранитель
И воин Весны.
Лесную обитель
Сберечь мы должны.
Ты — сын мой,
Я смело
О том говорю,
И молнии стрелы
Тебе я дарю.
Стрелой громовою

Круши ты беду.
Тропинкой лесною
Иди в высоту...»

О Громе седая
Поведала ель.
Тропинка лесная —
Моя колыбель.

ЛЕДОХОД

Над рекою жизни грохот, гром.
Льдины-тропки проплывают мимо
С яростью кричащим вороньем...
Да, весна всегда неповторима,
В солнцелюбии не удержиима.
Потому и холод многих душ
В мир небытия уносят льдины.
И художник в акварель и тушь
Опускает кисть...
И в свете синем
Перед нами на холсте идет
Нашей жизни майский ледоход.

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Горбатый пенек обрел свои черты.
Ручей из слез его
На свет родился.
Смеялся над уродом леса ты,
А я твоей жестокости стыдился.

* * *

Манси — народ вечерний.
(мансийская поговорка)

Манси — народ вечерний,
О звездах думает думу.
Манси — народ вечерний,
К лесному привык он шуму.
Манси — народ вечерний,
На сказку, легенду скорый.
Любят манси деревья —
Любят свои соборы.
Снятся манси картины:
Зеленые капли леса,
Горы-дома, машины,
И всюду песня железа.

* * *

Бывает день,
                    когда ты нищий, —
Ни звезд на небе, ни надежд.
Бывает день,
                    когда ты лишний
С мечтой своей среди невежд.
Кому тогда доверить думы,
Обиды горькие свои?..
За пеленой дождей угрюмых
Есть бухта веры и любви.
Когда-то парус одинокий
Ее искал,

И я ищу.
К ней путь немислимо далекий,
И я у бури сил прошу.

ГОЛОС СТАДИОНА

Столичный стадион в Сантьяго превращен
в концентрационный лагерь...

(из газет)

Мне больно.
Проволокой жгучей
Меня опутали враги.
Как у тебя, товарищ Лучо,
Мои заснежены виски.

Страшнее не придумать муки —
День каждый на моих глазах
Друзьям заламывают руки
И люто мучают во рвах.

Сегодня я не стадион,
Сегодня я — и гнев, и стон.

Жжет пиночетовская плаха.
Но Педро, Августо, Равас...
Я горд, что я не вижу страха
В глазах страдальческих у вас.

Надежды пламя не угасло,
Оно в тебе,

оно во мне.

И прорастают строки Пабло
В сердцах,
как травы по весне.

Сегодня я не стадион,
Я — бури зреющей огонь.

И не сомкнуть мне глаз усталых —
Друзей уводят на расстрел...
Но вижу стяг свободы алой
Над Ла Монеда на заре.

ЧУВСТВО ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

О чувство первое любви,
Оно в душе, оно в крови.
О чувство первое любви!
О руки милые твои!
В движенье их — смятенье, грусть.
Глаза твои... Я их боюсь:
Вдруг позовешь меня без слов,
А я не так пойму твой зов.
О чувство первое любви,
Упреки тайные твои.
О цепи радости, стыда.
А с ними муки. Так всегда.
Но вот он, вот желанный миг! —
Губами я к губам приник.
И этот вздох глубокий твой.
И взгляд доверчивый такой,
Такой внимательно-живой,
Пугливый, страстный, озорной,
Туманно-тихий, нежный взгляд.
Я весь в огне, тобой объят.

Я об одном тебя молю
И слышу наконец: «Люблю...»

Бежит сквозь лес он что есть мочи,
Горит закат в ветвях рогов,
За ним несутся всхлипы волчи
И тени хмурые стволов.

От страха косачи седеют,
Он в этой схватке одинок.
Глаза волчицы пламенеют —
Родился яростный прыжок.

И вот уже дымится рана
И обвалился талый наст.
Олень упал на снег багряный,
И на рогах закат погас.

ИСПОВЕДЬ МАНКА

Нет, я от хозяина не уплыву,
И вольного неба не надо.
Резиновый я. Но, поверь, оживу
От крови крылатого брата.

От зависти можно и ласковым стать,
И щедрым, на время, конечно.
Мне селезня надо под выстрел послать,
Чтоб стал он, как я же, потешным.

Лети же ко мне в оперенье цветном,
Мой брат, мой вожак и красавец.
Когда упадешь ты с разбитым крылом,
На время уснет моя зависть.

У берега плавает тихо манок.
Летит к одинокому стая.
В скрадке притаился охотник-стрелок,
Двустволка гремит огневая.

* * *

В предгрозовом тумане вижу:
Мартынов поднял пистолет.
И тишина такая... слышу,
Как облака меняют цвет.
И выстрел. И поэт упал.
И грома, и дождя обвал.

И этот ливень грозный, долгий
И в наши заглянул сердца...
А это кто угрюмо-скользкий,
Мелькает тень его лица?
Мартынова забытый лик,
Его сегодняшний двойник.

Да, мир сегодня стал хитрее,
Ловчее и коварней стал.
Где правда? Где туман елея? —
Повсюду масок карнавал.
Но за красивой мишурой
Таится враг и твой, и мой.

Прочь, равнодушия застой!
Дуэль сегодня нам нужна,
Дуэль во всем обнажена.
К барьеру, подлость, клевета!
И... тишина, как и тогда.

Здесь цветет зверобой,
Здесь в три края раздолье.
Одинокий и тихий,
На опушке стою.
Я сегодня похож
На забытое поле,
О котором словами
Других говорю.

Это поле зари
Поле вехою будет,
Ведь немало еще
В мире ложных дорог.
И для вас, беспокойные,
Смелые люди,
Свои лучшие чувства
Я честно сберег.

Вы оставьте свои мне
Тревоги и боли
И возьмите любви у меня
Для души.
Я сегодня похож
На цветущее поле,
На которое люди
С надеждой пришли.

ДЕНЬ БОРЕНЬЯ

На снега
Льют дожди проливные,
И кедрач до хвоинки промок.
И веселые сказки лесные
Приютит затуманенный лог.
Веселы вы, апреля поверья,
Но мятежны посланники тьмы.
В стане мокрых и зябких деревьев —
День боренья Весны и Зимы.
И от чувств не уйти обнаженных —
И надежды, и правды души.
Ходят тени в полях отдаленных —
Это тени коварства и лжи.
И ветра холодами пугают.
Но, гляди: над полками вершин
Тучи тают, и тают, и тают,
Высветляя кочующий клин.
И увидела зоркая стая, —
Этот миг я забыть не смогу, —
Снег последний рассыпчатый тает
В голубом и веселом логу.

* * *

Шлет импульсы тревожные свои
Мой брат с неведомой планеты.
И руки, руки тянутся мои
К нему во сне,
в его рассветы.

И утро.
Мой кедровник за окном.
В нем — тайна новая, я чую.
И зов, и взгляд мой в небо обращен,
Я по тебе, мой брат, тоскую.

И я твой оклик чувствую порой,
И потому душе тревожно.
Нам очень нужно встретиться с тобой,
Спеши, мой брат,
пока не поздно.

* * *

Под куполом ночного неба
Хоть раз, дружище, полежи.
Забудешь про истоки гнева
И обретешь покой души.
Но в час,
Когда туманный холод
Твою окутает звезду,
Поймешь,
Что пропастью расколот
Весь мир:
на счастье,
на беду.

ТАКАЯ СУДЬБА

Материться умел Коромыслов этажно,
Разойдется порой: так твою перетак.
Был слепым и глухим, и еще бесшабашным,
Потому матерился, наверно, чудак.

Он и был чудаком.
Знали только: под Оршей
Он под танком чужим и ослеп и оглох.
Он — калека. Но нету известия горше:
«Федор, Галя ушла от тебя... Чтоб он сдох,
Прощелыга случайный, залетная птица,
Соблаздивший Галину веселым житьем...» —
Так писал ему друг.
В ту же ночь ему снится:
Он здоровый, счастливый с Галиной вдвоем.
Как он утром тогда матерился свирепо!
С той поры и пошло: так твою перетак.
Коромыслов вернулся в деревню нелепым:
И слепой, и глухой, от войны холостяк.
Не поддался он горю, двужильный, упрямый.
Ремонтировал дом свой на ощупь, чутье.
Помогал ему друг, сам хрипящий от раны,
Коромыслов ему все свое да свое:
— Ты оставь меня, Клим. Мне теперича надо
Одному приспособиться к жизни своей.
Если выдюжу я, вот и будет награда
Всех главнее наград, всех сильнее смертей...

КОРЕШОК РОССИИ

Канищеву Анатолию Семеновичу — пат-
риоту таежного края

Никуда нам от сельских привычек не деться.
И тайгу нам с тобою покинуть нельзя.
От улыбки твоей захотелось мне в детство,
Пахнуть хвоей сосны, чешуею язя.

В пассажирском вагоне мы мчимся лесами.
Разговор наш течет, как в бору ручеек.
И Россия сейчас вся до капельки с нами,
Ибо ты ее вечно живой корешок.

Тихо радуюсь я, Анатолий Семеныч,
И веселости слов, и размаху души.
Говори же, прошу, Анатолий Семеныч,
Как живется тебе в комариной глуши.

«Содержу я хозяйство в надеже и справе.
И коровушек сам на зорянке дою.
Как ведется в дому,—

ребятишек ораву
И своих, и чужих молоком напою.

Тракторист я,— ведет свою повесть Канищев.—
Эх, пашу,

как гуляю, по нашим полям!
И чего человек колобродит и ищет,
Так тоскует земля по надежным рукам!

Ой, как много еще бурелома на свете
И в лесах отдаленных, и в душах людей!
Так и видится мне мать-земля на рассвете,
Будто в сказке, в обнове желанной своей».

И задумался ты — взгляд пронзительно синий,—
Коренастый крепыш, не свалить тебя с ног.
Вот с такими, как ты, будет в славе Россия,
Ибо ты ее вечно живой корешок.

ДАРИЛ Я ТЕБЕ ГЕОРГИНЫ

Тоне — жене, другу

Оранжево-красны рябины,
Любимые краски твои.
Дарил я тебе георгины
От чувства высокой любви.
Все было так просто и ясно.
Так искренен был наш восторг!
И жизнь нам казалась прекрасной,
Без горьких обид и тревог.
Пылали в руках георгины,
Глаза улыбались твои.
И был я красивым и сильным
От чувства высокой любви.
С годами в заботах суетных
Забыл я о вечных цветах.
Прости, если можешь, за это,
Прости только не на словах.
Прости меня ласкою сына,
Растаявшей льдинкой в глазах.
Так пусть же цветут георгины
В твоих удивленных глазах!

* * *

Ковш Медведицы черпает тьму —
И колодец бездонный пустеет.
Удивляются совы ему:
Ради солнца он сил не жалеет.

Как чудесно сейчас в небесах!
Ковш сияет:

        работа — к исходу.
И глухарь на бордовых ветвях
Снова славит явление восхода.

Небосвод все ясней и ясней.
Утро каждое неповторимо.
День сегодняшний —
        лучший из дней,
Так он трудно родился — любимый.

* * *

Иду я к заветным стихам,
Я знаю — до них недалеко.
К вершине иду по слогам —
Ступеням,

        такая дорога.
Покоя не будет и там,
Галактик распахнуты двери.
И снова пойду я к стихам,
И снова в удачу поверю.

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Ювану Шесталову

Пугая оленей,
Пылает костер.
Шаманит в селенье
Шаман-мухомор.
И бубен грохочет,

От крика знобит,
Как буйною ночью
В просторах Оби,
Где кипень прибоя,
Как зверя оскал...
Шаман,
                  дико воя,
Скакал и плясал.
— О Торым великий,
Спаси нас от бед!
Костер стоязыкий
Дразнился в ответ.
А люди стояли,
От страха дрожа.
И горько рыдала
У манси душа.
Согнуть бы нам муки
Крутые, как лук.
Но сильные руки
Ослабли от вьюг.
И песня печальна.
Где юный певец?
Зарей долгожданной
Ленин-отец
За хмурым Уралом
Вполнеба встает.
И вот запевала
Над Обью поет.
Могучие лоси
Подняли рога.
А песня,
                  как осень
В Сибири,
                  ярка.

В ней бурые снасти,
Удары весла,
В ней искрится счастье
И дума светла.
И с песней в походе
Охотник, рыбак...
Счастливого лета,
Певучий вожак.

* * *

Я жил тобой, звезда востока,
Я так тобою дорожил!
Когда печаль, когда забота,
Я взгляда твоего молил.
И ты всходила — луч далекий —
Над синим кедром, надо мной.
Я верил в радости дороги,
Я жил вселенной, жил тобой.
Язычник я — седой и грешный,
Опять у розовых небес
Прошу тебя, мой друг нездешний,
Утешь меня, утешь мой лес.
Взмахнула ты крылами лета,
Летишь ко мне, мой верный друг.
Но ярким заревом рассвета
Все небо осветилось вдруг.
Сгорела ты, песчинка неба,
А я тебя зову, зову.
Темно в глазах. Я слепну, слепну,
Я горько падаю в траву.

ФЕВРАЛЬ

Февральские ветры — бураны, метели
Память моей лодке бока захотели.

Они налетели — голодные волки,
Но зубы свои истушили — и только.

Тогда намели они снежные горки,
И лодка под ними заплакала горько.

И выплыло солнце из розовой тучи,
И ветры умчались в пихтовые гущи.

Мы с солнцем на пару колданку¹ лечили,
Мы варом целебнейшим раны залили.

И крикнул тогда я в притихшие дали,
Чтоб с мартом они мне весло присылали.

* * *

В июле дождь идет зеленый
С кедровых зреющих ветвей,
Как песни из души моей.
Я верен им, таежным былям,
Как нож охотничий творцу,
Я верен им, как сын отцу.

---

¹ Колданка — лодка.

СЫН БАКЕНЩИКА

Стоит на обрыве высоком —
Над Обью молочной — дом.
Хозяин, сутулый и строгий,
Живет тут с сынишкой вдвоем.
Он сам уже стар, как сахара¹.
Далеко удалые дни.
И бакены ставят на пару,
И вместе рыбачат они.
И в ведро, и в час непогоды
Видать паренька у реки.
Плывут и плывут пароходы,
Ведут разговоры гудки.
А самый красивый однажды
Причалил к крутым берегам.
Веселый и чуточку важный
На берег сошел капитан.
И старый отец, как родного,
Обнял его, к сердцу прижал...
На кромке обрыва крутого
Восторженно мальчик мечтал.
И вправду — из дымки тумана
Выходит большой пароход.
От взмаха руки капитана
Гудок над обрывом поет.
Он как от победы ликует —
Певучий и долгий гудок.
Кому это он салютует?
Земле и тебе, паренек.

---

¹ Сахар — высохшее на корню дерево.

ПОДОРОЖНИК

Он пришел к нам из сумрака ночи.
Как ребенок, с восторгом глядит.
А вокруг в многоярусной роще
Мир зеленый поет и звенит,
Освежит его радостным солнцем,
Будет ранен стрелой громовой.
И родник с белоснежного донца
Окропит его раны водой.
Он стоит у дороги таежной,
Он, как путник, сегодня устал.
Неприметный цветок подорожник,
Мир с тобой удивительней стал.

* * *

Ханты-мансийские холмы
Всегда в почете у зимы.
Из красно-огненной лисицы
У кедров утром рукавицы.
Горят папахи от зари,
Не кедры, а богатыри:
Любой похож на казака
Времен далеких Ермака.
И как задумчивы лога!
Как синева в логах ярка!
Февраль,
А здесь, представьте, тишь.
Зато в буранах весь Иртыш.
Разбег бураны набирают,
Через холмы перелетают.
Звучит победный снежный свист,

Без боя взят Ханты-Мансийск.
На каланчу февраль-чудак
Повесил свой мятежный флаг,
Всю ночь он бьется на ветру...
Холмы прекрасны поутру.
Одели кедры рукавицы,
Горят снега, ликут птицы.
Ханты-мансийские холмы
Всегда в почете у зимы.

* * *

Сосны расцвечены бликами,
Солнечно в поле души.
Музыка нежная, тихая,
Где родилась ты, скажи?

Сосны родные, певучие,
Облака тает дымок.
Песней нездешнею мучает
Путника мой ветерок.

Жизнь я предчувствую вечную.
Если от бед загрущу,
Музыку тихую, нежную
Я у лесов попрошу.

КАРТОФЕЛЬ ЦВЕТЕТ

От поля, луною согретого,
В деревню идет аромат.
Картофель цветет фиолетово,
И поле похоже на сад.

От запаха поля овального
Не спят в палисаде цветы.
От этого запаха пряного
Во сне улыбаешься ты.

На белой опушке ромашковой
Синица полночно поет,
Что в мире душисто и ласково:
Картофель, картофель цветет.

* * *

Чащобный запах кружит подо мною —
Коры и прели, моха и норы.
А над моей июльской тайгою
Струятся в небо марева костры.
То праздник детства:
Я с вершины кедра
Оглядываю хвойный океан.
Доверчив я.
Нежны ладони ветра.
Сейчас себя дарю я небесам.
Душа уже как будто улетела
Туда, где загорается звезда.
И я забыл, что существует тело
Мое,
    которому грозит беда.
И чей-то вскрик.
Раскинутые руки
Мои
    сомкнулись с болью вокруг ствола.
То первая с землей была разлука,
Разлука ради высоты была.

* * *

И дождь, и крики чаек снились,
И мчался парус по волнам,
И облака в заре клубились,
И кто-то звал меня в туман.
И я проснулся — гость случайный
В уютном доме у реки.
Здесь для меня все было тайной:
На желтом фото старики,
Солдат веселый возле пушки,
Он лентой траурной увит,
И эта девушка Танюша,
Что на соседней койке спит.
В ней столько тихой сладкой лени!
Томленье девичье храня,
Ее упругие колени
Дразнили красотой меня.
Вдруг голос: «Таня, нам в правленье
Пора. Уже девятый час...»
Колени спрятались мгновенно,
Так соболь прячется от нас.
Пора и мне в дорогу, в дали.
О, сколько раз в домах чужих
Меня, как друга, привечали!
Я славлю братство душ людских!

* * *

Ловлю губами ветер свежий,
Волненье чувствую земли.
И снова с трудною надеждой
Я жду вас, лебеди мои.

О, как я верю в это чудо! —
Взмахнут миллионы ваших крыл —
Помолодеют сердцем люди,
И сгинет тот,
кто злобой жил.

О как я верю в это чудо!
И как хочу его для всех!
Ведь я — искатель истин — люди,
Такой же грешный человек.

И если я порою плачу,
И если я зову весну,
Поверьте — жить хочу иначе,
Я слабости свои клянусь...

И трудно вдаль порой глядится
Мне у дорожного весла.
Но открывают мне ресницы
Утрами
белых два крыла.

* * *

Подожжен кедровник снегирями,
Музыкой снега мои полны —
За семью морозными замками
Дремлют чутко грозы до весны,
До поры,
Когда с гремящим громом
Радугами вспыхнет небосвод.
А пока в тайге — собольем доме —
Тишина январская живет.

Я ее запретов не нарушу,
Дороги они навеки мне.
Отогрев дыханьем веток душу,
Я иду к весне,
Иду к весне.

СОДЕРЖАНИЕ

Старый кедр	3
«Сколько клюквы войдет в туесок...»	3
Ослушник	4
Идол	5
Соболенок	6
Земляк	6
Медвежатник	7
Тропа язычника	7
«Мечта — стрела на гибком луке...»	9
Ах	10
Ворон	10
Верстовые столбы	11
«В твоём окне герань горит...»	12
«Я годовое выписал кольцо...»	12
Грустные кони	13
«Есть у Конды протока Голубика...»	14
«Цветет душичка луговая...»	14
«Я взял с собой в дорогу нежность...»	15
Схватка	15
Тишина	16
Праздник грома	17
Купола Тобольска	18
Рерих	19
Назым	19
Янка	20
Письмо другу	21
«Поплакать надо над собой...»	22
«Ружье в руках...»	23
Зеркальный лось	24
«Как зелена сегодня луговина!..»	24
«Я вижу на ветвях сосны...»	25
Гимн березовому соку	26
Шишкари	26
На озере Мойпыр	28
«Улыбка ребенка во сне...»	29
Зов	29
«Зимняя дорога...»	30
«Нет шумней в селеньях вести...»	30
Прощанье	32

Ночной сохруп	33
«А снег не тает...»	34
«Вороно-черные кедры и неба корона...»	35
Весеннее	35
Апрельский лед	36
«— Ты все готов друзьям отдать...»	37
Ночной омут	37
Морошковое лето	38
Из детства	39
Слово о кедре	40
«Когда нас посещает озаренье...»	41
«Верховой дорогой — по зарубкам...»	41
Первый снег	42
Следопыт Макарович	43
«Пришел сюда я в час отлива...»	43
«Если сердце обидою ранено...»	44
Ночной поединок	45
«Спи, мой лес...»	46
Таежное	46
Знойный день	47
«А женщина и март нерасторжимы...»	48
Сумерки марта	48
«После дождя вода зеленой...»	49
«Осколок солнца в сердце у меня...»	50
«Прохлада цветущего лога...»	50
Рябиновый пир	51
«Уходи-на вдаль, беда...»	52
Ночные самолеты	53
В дожди	53
«Пусть за меня поговорит костер...»	54
Шаим	54
«Вечерний сумеречный лес...»	56
«Смеется над нами дитя...»	57
День укрощения огня	57
Накануне ноября	58
«Красные сумерки Севера...»	59
Выдра-невидимка	59
Береза и старик	60
Грибная тайга	62
Лесник	62
«Натруженные лапы глухаря...»	63
Тамга	63

В предгрозые	64
Я слушаю осень	64
Березы в Ялте	65
«Пойду к отцовской роще дикой...»	66
На Север	66
Лось и подснежник	67
«Ты в зеркало смотришься часто...»	67
«От снега пряного черемух...»	68
Сын Грома	69
Ледоход	70
Весенний этюд	70
«Манси — народ вечерний...»	71
«Бывает день...»	71
Голос стадиона	72
Чувство первой любви	73
«Бежит сквозь лес он что есть мочи...»	74
Исповедь манка	74
«В предгрозовом тумане вижу...»	75
«Здесь цветет зверобой...»	76
День боренья	77
«Шлет импульсы тревожные свои...»	77
«Под куполом ночного неба...»	78
Такая судьба	78
Корешок России	79
Дарил я тебе георгины	81
«Ковш Медведицы черпает тьму...»	81
«Иду я к заветным стихам...»	82
Рождение песни	82
«Я жил тобой, звезда востока...»	84
Февраль	85
«В июле дождь идет зеленый...»	85
Сын бакенщика	86
Подорожник	87
«Ханты-мансийские холмы...»	87
«Сосны расцвечены бликами...»	88
Картофель цветет	88
«Чащобный запах кружит подо мною...»	89
«И дождь, и крики чаек снились...»	90
«Ловлю губами ветер свежий...»	90
«Подожжен кедровник снегирями...»	91

Андрей Семенович Тарханов

МОРОШКОВОЕ ЛЕТО

Редактор **Ф. И. Чуев**
Художественный редактор **Л. Е. Безрученков**
Технический редактор **И. И. Капитонова**
Корректор **Н. Д. Бучарова**

ИБ № 3938

Сдано в набор 01.08.84. Подп. в печ. 18.10.84.
А05997. Формат 70×108/32. Бумага типогр. № 1.
Гарнитура обыкнов. новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 4,46. Уч.-изд. л.
3,81. Тираж 10 000. Заказ 1313. Цена 40 коп.

Изд. инд. ЛНП-1.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская
Россия» Государственного комитета РСФСР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
144003, г. Электросталь Московской области, ул.
им. Тевосяна, 25.

X

745 12004
Окружная библиотека

40 к.

СОВЕТСКАЯ РОСС

РНФ

Государственная библиотека Югры